

Ю.С. ПИВОВАРОВ

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ 2010–2020-х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена развитию политической ситуации в России на рубеже 10–20-х годов этого века. Псевдодемократия 90-х выродилась в жесткоавторитарную систему. Практически власть президента не ограничена ничем и располагается над системой разделения властей. Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 г., резко усилили ее авторитарный потенциал.

Ключевые слова: парламентаризм, президенциализм, массовые демонстрации, закат Второй республики, обнуление президентских сроков.

*Снова опричник на сытом коне
по мостовой пролетает с метлою.
Вижу лицо его подлое, злое,
нагло подмигивающее мне.*

*Рядом! Не на чужой стороне –
в милой Москве на дебелим коне
рыжий опричник, а небо в огне:
молча горят небеса надо мною.
Б. Слуцкий*

Закат Второй российской республики

Второй? А когда была первая?

Была. Но просуществовала всего несколько часов. Учредительное собрание (вечер 5 января – ночь 6 января 1918 г.) успело принять название нового государства: Российская Демократическая Федеративная Республика (РДФР). Раньше, по Конституции 23.04.1906, – Российская империя.

Как известно, большевики разогнали Учредительное собрание. Им, по-видимому, казалось, что они навсегда покончили с этой «Демократической Федеративной». Но началась Гражданская война. – Многие представители «белых» сражались за возвращение к легитимному порядку, наиболее зримо воплощавшемуся тогда во всенародно избранном Учредительном собрании. Иными словами, «белые» боролись и за РДФР. Проиг-

рали. Дело установления в стране конституционного, демократического, федеративного порядка было отложено на будущее.

Название «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (РСФСР) скрывало ее тотально-антидемократическую, сверхцентрализаторскую природу. И «Республика» была фальшью, обманом, прикрытием террористической диктатуры.

Проходит все. Прошла и «Советская» власть (слово *советская* в кавычках потому, что никакие советы никогда не правили). На ее руинах (к сожалению, и из ее руин) стали строить новое государство – Российскую Федерацию (РФ). Вторую республику. «Российская Федерация» есть ... *демократическое* (выделено мною. – Ю.П.) федеративное правовое государство с республиканской формой правления». – Так начинается Конституция 1993 г., закрепившая права человека, разделение властей, примат международного права над национальным, выборы и многое другое. Заметим, что все это – *либеральные* ценности и институты.

В Основном законе была масса достоинств – но имелись и недостатки. Либерально настроенные люди, с одной стороны, критиковали Конституцию за сверхпрезидентализм, т.е. за то, что вводилась всемогущая власть президента. С другой, призывали защищать, делая акцент на провозглашенную в ней «Декларацию прав». Вместе с тем в либеральном лагере шла работа по составлению новой конституции, согласно которой парламент должен был бы играть гораздо большую роль.

Однако у власти были иные планы.

Скажем о специфике эволюции власти в последние 10–15 лет, о ритме перемен в ней. Пережив вынужденную «рокировочку», четыре года смирения перед псевдолиберальной и псевдомодернизационной декламацией, стерпев даже возвращение на миг (только на миг!) «козыревской дипломатии» (голосование в ООН по Ливии, в котором Россия впервые за много лет выступила фактически солидарно с западными партнерами), власть столкнулась с казусом Болотной. Ее, по-видимому, испугало сто-тысячное собрание оппозиционеров в центре города, в непосредственной близости к Кремлю.

Хорошо помню этот морозный день, спокойную, мирную, дружелюбную атмосферу этой манифестации. Масса знакомых, скромно одетых немолодых интеллигентов радостно приветствовали друг друга и, ей-Богу, не помышляли о штурме Кремля. Мы хотели, чтобы власть нас услышала. Я, к примеру, наивно полагал, что остались возможности для взаимодействия. Типичное русское либеральное прекрасноразумие! Да, митинг на Болотной, многочасовое стояние там воспламенили сознание части либерального истеблишмента. Им казалось: еще несколько усилий – и ситуация в стране изменится. Однако капитал Болотной быстро иссяк, как и сам эмансипационный подъем.

И по гражданскому обществу был нанесен мощный удар. Крым, Украина стали для нас такими же символами несчастья, как Чехословакия для шестидесятилетней советской интеллигенции полвека назад. Вновь актуально звучал Галич: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле...!» – Россия из общества с остаточными демократическими институтами и ценностями превращалась в диктатуру.

Но московское лето 2019 г. ясно показало: далеко не все смирились, подчинились, не все готовы вновь утонуть в тоскливом единодушии. – Тогда власть не допустила на выборы в Мосгордуму *всех* независимых кандидатов. Причина одна: якобы неправильно собранные подписи граждан. У *всех* независимых кандидатов. У «зависимых» – правильно. У *всех*. Топорная работа; не удосужились даже разнообразить мотивы отказа. И так сойдет... Москвичи твердо и решительно выступили против беззакония. – «Этот город *наш!*» Были очевидны мужество и настойчивость горожан – и растерянность власти. Москва вновь напомнила о том, что это – город 1991 г.

То лето, вроде бы, давало надежду на возможность изменений. Однако гражданский подъем жителей Москвы внешне закончился ничем. У гражданского общества не оказалось вождей, не было и четко сформулированных стратегических целей. «Допускай», конечно, неплохо, но – мало. Видимо, между политической мыслью теоретиков оппозиции и протестной (по своей природе – этической, гражданской) энергией масс нет связки. Более того, громоздится пропасть непонимания, незнания, недоверия. Мысль – сама по себе; люди, требовавшие справедливости, права, честности, – сами по себе. Власть же постепенно приходила в себя, перехватывала инициативу, а в январе 2020 г. начала контрнаступление...

Через тридцать примерно лет (с конца 80-х) круг замкнулся. Ушел в прошлое постсоветский режим, окончательно оформился новый. Неконституционный, неправовой, недемократический.

На юридически сомнительном голосовании 1 июля 2020 г. (по существу, это плебисцит, легитимирующий операцию переделки Конституции 1993 г.) власть собрала огромное большинство голосов. Наверное, приписав себе какое-то количество бюллетеней «за». Но, убежден, не эти приписки (фальсификации) стали решающими. В который раз оппозиция показала свою беспомощность. Народ же, как и обычно, продемонстрировал верность власти. Пора вывешивать лозунги: «Власть и народ едины. – Это единство непобедимо!»

Поезд, который отправился от станции «тоталитаризм» в сторону станции «демократия», прибыл в тупик «неототалитаризм». Там есть кипяток, сухари, залежалые консервы. Но нет права, институтов, выбора, свободы и проч.

Конституционный блицкриг: О новой политико-правовой реальности

15 января 2020 г. Путин резко меняет повестку дня. Помимо всего прочего показывая, *кто* владеет исторической инициативой. Власть заявляет о «самореформировании» – тем самым подтверждает свою монополию на определение жизни страны. И во имя права и закона – нарушает конституционные основы функционирования государства. В который раз!

Вскоре после первоиюльского голосования несколько ведущих юристов-конституционалистов заявили, что ничего особенного с Основным законом в 2020 г. не произошло. Поправки лишь привели в соответствие текущее законодательство и текст Конституции. Таким образом были преодолены накопившиеся в последние годы противоречия между законодательной «практикой» и «теорией». Что ж, с сугубо юридической точки зрения и «технического» прочтения права это, может, и так. Но если говорить по существу, разве *в этом* содержание той социальной перемены, которую мы переживаем? – Нет, *не в этом*.

Существует несколько исторических «баек», которым, видимо, суждена долгая-долгая жизнь. – По заданию Александра I М.М. Сперанский готовит проект Конституции для России. Прочитав этот текст (1809), император впал в смущение. Он не мог до конца понять, какая роль в новой системе власти отводится ему. Сомнения венценосца якобы рассеяли придворные. Они сказали: «Ваше Величество, зачем нам Конституция? Вы сами Конституция, Вы – живой закон». И реформу отложили – почти на сто лет. – 14 декабря 1825 г. группа офицеров попыталась взять власть в свои руки. Позднее их назовут декабристами. Обманом они вывели солдат из казарм. Был брошен лозунг: «Ура, Константин! Ура, Конституция!» (последнюю солдаты полагали супругой великого князя Константина Павловича, вроде бы, законного наследника престола). – В этих конституционных «байках» зафиксировано отношение общества к Конституции в начале XIX столетия. Причем как «верхов», так и «низов».

Прошло двести лет, а конституционная тема по-прежнему актуальна. К сожалению, отношение к Конституции не очень изменилось. Не знаю даже, как его квалифицировать. Мифологическое? – В целом да, но, кажется, следует найти более точное определение.

Итак, царь и есть Конституция, Живой закон. – Согласно репрезентативному социологическому опросу (он поразительно современен, хотя и датируется 2005 г.), «главным источником власти и носителем суверенитета» в нашей стране является президент (55% опрошенных верили – да и сейчас верят – в это); глава государства и суверенитет одно и то же». «Правильный ответ на вопрос о том, как именно Конституция принималась, дала треть опрошенных. Большинство либо затруднились ответить,

либо оказались убеждены, что этот документ – плод труда лично президента». – Как будто бы этих двухсот лет и не было.

В общем и целом, в ходе своей эволюции человечество выработало два способа регулирования социальных отношений. Первый (по времени) – религиозный, сакральный: власть – от Бога, и потому Он – главный судья и арбитр в общественных делах. Второй – демократический, правовой: Конституция признается основной нормой права, правопорядка, государство же – правопорядок в действии, Конституция в действии. Здесь власть принадлежит народу, который посредством права регулирует социальную жизнь. (При этом надо помнить: это – модели, идеальные типы. Наличная жизнь сложнее и не укладывается в теоретические построения.) XX век как будто выдвинул третью «систему» – различного рода идеократические диктатуры, где социальное управлялось практически ничем не ограниченным насилием, облеченным в ту или иную идеологическую форму. – Идеократии не выдержали конкуренции с правовыми демократиями и были выброшены на свалку истории.

Что же у нас? – Все первое полугодие 2020 г. ушло сначала на минимизацию демократического потенциала Конституции, а затем на фактический отказ от нее. – Нет, Кремль не отменяет Конституцию; он стремится обратить себе на пользу ее ново-старые возможности. Подобно портному, он перекраивает стандартно сшитый костюм, подгоняет его под особенности фигуры заказчика. Делает одежду максимально удобной для конкретного индивида.

По моему глубокому убеждению, в *этом* смысле Конституция не должна быть «удобной». Напротив, ее задача – держать власть в форме, заставляя ее «влезать» в точно определенный размер, четко очерчивать границы ответственности и возможностей. Кроме того, надежно защищать государственные институты от практически всегда возникающих амбиций и поползновений конкретных носителей власти. Конституция есть наиболее эффективный способ ограничения власти, формализации имманентных ей инстинктов насилия и экспансии. Основной закон является юридической диетой для всегда склонной к полноте (в разных смыслах этого слова) власти.

Принято упрекать русскую власть XIX в. в том, что она никак не решалась дать стране конституцию, парламент и пр. Другими словами, утверждается: самодержавие позапрошлого столетия было тупо консервативным, не чувствовало исторических тенденций своего времени. Тем самым упускалась и была упущена возможность стать более современной, динамичной, адекватной запросам эпохи. – Отчасти это так. Но лишь отчасти. Еще классик отечественной юридической науки А.Д. Градовский замечал: да, русская монархия (в ее исторической форме: самодержавие)

не позволяла обществу ограничивать себя; она сама занималась *самоограничением*. Появлялись новые институты и социальные группы, которым самодержавие передавало ряд своих полномочий (создание Госсовета, выборы профессорами ректоров университетов, уездные и губернские земства, городское самоуправление, растущая роль буржуазии в экономическом развитии, мировоззренческие «толстые» журналы и т.д.). Это была дорога, которая вела к Конституции, юридическому ограничению исторической власти. Самоограничение диктовалось инстинктами самосохранения и адаптации, чувствами долга и ответственности.

Нынешние хозяева Кремля, видимо, упоенные своей становящейся все более тотальной властью, ловко пользуются тем, что может дать им Конституция, фактически элиминируя конституционные начала из материи общества. По ходу дела они вносили удобные для них поправки, на которые можно сослаться в повседневной практике. Что эти поправки, сегодня носящие как бы декоративный характер, могут взорвать государственное здание, в голову им, видимо, не приходит.

Так, упоминание в Конституции-2020 «государствообразующего народа» по своей потенциальной опасности сравнимо с непростительно наивным, безответственным положением Конституции-1924 о возможности выхода из состава СССР союзных республик. Особое значение имеет моральная сторона этой нормы. Тем самым конституционная тема равноправия всех граждан подменяется юридически нерелевантной темой равноправия «государствообразующего» народа с другими народами. По существу, мы стали свидетелями вмешательства в «неприкосновенную» главу I «Основы конституционного строя». Там в ст. 3 говорится: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Кто же теперь носитель суверенитета? «Государствообразующий народ»? Или этот народ вкупе с ему равноправными? ...

Российские верхи отказались от конституционных принципов регулирования общественных отношений. Лучшее тому доказательство – история с «обнулением». Сломан конституционный механизм трансляции власти. Эта важнейшая отрасль политики отдана произволу тех или иных лиц.

Об «обнулении» и его возможных последствиях

10 марта 2020 г. войдет в отечественную историю как черный день. После 9 января 1905 г. говорили: «В России больше нет царя». Сегодня в пору: «В России больше нет Конституции». 9 января расстреляли народную веру в царя. 10 марта растоптали общие правила социально-полити-

ческой жизни. Показали: можно все. Никаких ограничителей, никакого порядка нет.

«Обанкротившаяся» ельцинская Конституция, казалось, давала президенту неограниченные полномочия. Он был поставлен над системой разделения властей, и все они находились фактически в его руках. Градус его верховенства снижало только то, что, согласно Конституции-1993, одно и то же лицо может избираться два срока подряд. Не больше. В начале 2020 г. Путин предложил слово «подряд» убрать. Этой поправкой он исключил себя из числа возможных соискателей на президентских выборах 2030 г. Затем последовало обнуление, и он вернулся в строй – уже на выборы 2024 г. С историко-юридической и историко-политологической точек зрения это очень опасная и чреватая печальными последствиями операция.

Обнулили почти тридцатилетние усилия встать на путь «господства права», «верховенства закона», или – проще – конституционного государства. К основам которого, не в последнюю очередь, относится правильная (т.е. по закону) трансляция верховной власти (передача от одного лица к другому). Наука знает, что наиболее устойчивы те политические системы, где строго соблюдается законный порядок трансляции власти. «Законный», т.е. либо закрепленный законодательно, либо обычаем. «Законный» – также значит: одобряемый обществом. Если же этот порядок нарушается, то в конечном счете вся система теряет устойчивость.

Правовой релятивизм при решении этого ключевого вопроса подтачивает нормальную жизнедеятельность социума и политики. Причем это происходит во властечцентричной стране, где традиционно политический удельный вес первого лица намного выше, чем в большинстве других государств.

Напомню: у России имеется негативный опыт трансляции верховной власти вопреки закону.

В московской монархии XVI–XVII вв. господствовал принцип примогенитуры. От царя власть переходила к его старшему сыну. Этот принцип доказал свою эффективность. – В начале XVIII в. Петр I отказывается от него и наделяет действующего императора правом подыскивать себе наследника. Такой подход оказался губительным для стабильности политической системы. Все XVIII столетие было эпохой дворцовых переворотов. Россию трясло как в лихорадке. Этому в максимальной степени способствовала петровская новация.

В самом конце XVIII в. Павел I возвращает принцип примогенитуры в российскую политическую практику и облекает его в форму Закона о престолонаследии. Политическая система вновь обретает стабильность и устойчивость. И даже убийство Павла и выступление декабристов не

смогли нарушить «правильного» устройства российской государственности. Этот закон был включен в первую Конституцию России – «Основные государственные законы Российской империи» в редакции от 23 апреля 1906 г.

В начале марта 1917 г. Николай II нарушил эту законодательную норму в процессе отречения. Тем самым внес беспорядок в трансляцию власти. Не это, разумеется, было причиной Революции и Смуты, которые охватили страну. Но существенно способствовало этому. Россия окунулась в хаос беззакония.

Большевики, будучи марксистами, полагали, что государство вскорости отомрет, и потому не озаботились установлением принципов передачи власти. После смерти (или свержения, как с Хрущевым) каждого генсека разворачивалась жесткая подковерная борьба за первое место во властной иерархии. Нерешенность этого вопроса была одной из причин гибели советской системы.

Наконец, принятием Конституции 1993 г. страна, казалось, решила эту проблему. Правда, и Ельцин, и Путин, каждый по-своему, наносили сильные удары по процедуре передачи власти. Ельцин, 31 декабря 1999 г. заявив об отставке, назвал имя своего преемника. Путин, с тем чтобы сохранить фактическую власть, в 2008 и 2011 гг. провел операцию «рокировка». Тем не менее формально законность трансляции сохранялась.

Не думаю, что решение об обнулении автоматически приведет к хаосу и нестроению, однако, безусловно, негативно проявит себя в обозримой перспективе. Оно вновь, как в XVIII в. и в начале XX, потенциально ввергает Россию во властную смуту. Отказ от принятых «правил игры» есть отказ от господства права, от стабильности политического порядка. Это крупнейшая в новейшей истории России *девальвация* правовой системы, причем в ее ключевых положениях.

Когда-то (в 1917 г.) известный юрист Е. Спекторский писал: «Хорошая конституция – это все равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать, тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п.». И, конечно, конституция, если пользоваться метафорой Спекторского, это – и расписание движения поездов. Если от него отказаться («обнулить»), начнутся аварии, хаос и прочие неприятные вещи. Но правящие круги России, видимо, не боятся этого.

Другой замечательный русский юрист Н.Н. Алексеев отмечал, что в допетровской Руси «в... политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом». Это – тема персонификации власти (об этом говорил и Путин). – Оказывается, и в современном политическом

сознании российского народа идея государства сливается с «лицом государства». Если бы это было не так, «спектакль» 10 марта был бы невозможен.

В науке считается, что государство тем совершеннее и эффективнее, чем оно отдельнее, отдаленнее от конкретных носителей власти. «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям» (французский политолог Ж. Бурдо). Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто – нет. И потому пришлось придать власти *политическую* и *правовую* форму. «Вместо того чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» (Бурдо). То есть государство – *абстрактный* и *постоянный* носитель власти. Формула и форма такой власти – конституция. Суверенитет должен быть отделен от лица – носителя власти, от лица – персонификатора власти. Именно *такой* подход, *такое* понимание попрали 10 марта.

Мы должны помнить, что государство – это не аппарат подавления в руках определенных групп людей. Государство – это не только и не столько административный штаб по управлению обществом. Как говорил крупнейший юрист XX в. Ганс Кельзен, «государство есть правопорядок в действии». Иными словами, актуализированный правопорядок. Обнулением мы наносим по нему удар, разрушаем его, открываем ворота анархии и диктатуре (эти последние – всегда рядом), отказываемся от фундаментальных устоев цивилизации.

Это, однако, не все. Ведь если всерьез вдуматься в смысл обнуления, то получается: все, что было в России в последние двадцать лет, – не было. Фактически перечеркивается «путинское» десятилетие. Насыщенный событиями кусок русской истории отбрасывается, и его место занимает пустота. То есть обнуление – не только правовой *нигилизм*, но и *исторический*. В Конституции-2020 впервые в истории человечества законодательно зафиксирована возможность управления временем. Как ретроспективно: объявлять бывшее не бывшим, так и перспективно – утверждать заранее новую темпоральную повестку дня.

Конечно, в 2008 г. еще рано было обнулять – основные достижения были в будущем. А вот результаты шестилетки 2012–2018 гг. уже позволяли провести хронополитический, хроноправовой, хроноисторический переворот. Конституция-2020 не только сохранила за президентом хозяйство всех трех властей (исполнительной, законодательной, судебной), но и ввела суверенное право контроля над временем (тоже триада: прошлое, настоящее, будущее). Остался последний барьер на длинной исторической дистанции Российской Власти. Она все еще ограничена физическими сроками жизни персонификатора. И хотя это в корне противоречит ее природе, пока этот барьер не взят.

Об итогах и причинах

Итак, отказ от конституционно-правовой процедуры трансляции власти, выделение «государствообразующего народа». Кроме того, в Конституцию вброшен целый пакет «норм» идеологического характера. При всей своей смутности (что дает возможность весьма широкого толкования) они открывают простор антидемократическим, репрессивно-подавляющим действиям, актуализируют какие-то архаические потенциально-насильнические пласты сознания и психики.

Историческая преемственность, «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». – Российская Федерация, как известно, – правопреемница СССР. Но, во-первых, СССР был страной агрессивного атеизма и безбожия. Во-вторых, о какой «памяти предков» и каких «идеалах» идет речь? Большевистских – это одно, до- и меньшевистских – другое. К тому же следует помнить, что СССР не считал себя правопреемником исторической России. То есть, цепляясь за СССР, мы отцепляемся от России (добольшевистской и меньшевистской). В-третьих, если «вера в Бога» становится конституционным положением, принципом, то тем самым, вольно или невольно, вносится сумятица в вопрос суверенитета. Наряду с традиционным для современной политико-правовой практики признанием народа «носителем суверенитета и единственным источником власти» в интенции появляется еще один «носитель» и «источник» – Бог. Две легитимности, два типа суверенитета – сакральный и демократический – их противодействие друг другу, взаимоотталкивание, характерные для «Конституции» 1906 г., способствовали революционному взрыву Февраля 1917-го и разрушению отечественной государственности. – Вновь на те же грабли?

Мне скажут, Основной закон Германии 1949 г. начинается: «Сознавая свою ответственность перед Богом ...». И ничего, страна живет. Чтобы не растекаться по древу, кратко: совершенно иная конкретная историческая ситуация и традиции. У немцев были свои грабли.

«Не допускается умаление подвига народа при защите Отечества». Устанавливается право и обязанность государства «защищать историческую правду». Что это? О чем? – «Подвиг народа при защите Отечества»? Когда, в какую эпоху? Или всегда? – Тогда вся история России сводится к «подвигу». Если бы было сказано об Отечественной войне, тогда ясно. Может быть, вообще это главный подвиг нашего народа. И что такое «историческая правда»? Кто ее сформулировал? В чем она? – Как-то не юридически туманно, общо. А поведение российских верхов критиковать (=умалить?) можно? Например, за развязывание советско-финской («зимней») войны и вторжение в Афганистан? Подозреваю, что теперь это «умаление». И, значит, – подрыв конституционных основ общества.

Вновь не человек, гражданин – мера вещей, но «народы», «историческая правда» и т.п. Вновь мы входим во времена «официальной народности», «обогащенной» страшным опытом XX столетия.

– Мы обесценили свою Конституцию, обрушили ее авторитет и значение. – На этот раз «танки» прошли по родным полям.

Каждое утро, просматривая новости, отмечаю: опять кто-то арестован, получил столько-то лет или штраф. Что же такое происходит в стране? С одной стороны, трогательное единство власти и народа, с другой – рост числа «правонарушителей», «мошенников», «разгласителей государственных тайн» и т.п. Как будто окунаешься в атмосферу тридцатых. – Тогда трудящиеся получили все: самый совершенный и справедливый общественный порядок, самую демократическую Конституцию, гарантирующую их социально-экономические права и исключаящую возможность эксплуатации человека человеком. Но одновременно выявлялись несметные рати «врагов народа». Партия и органы, не ведая сна и покоя, должны были вскрывать и уничтожать их. Рубить подлые змеиные головы вредителей, изменников, двурушников.

В Следственном комитете (СК) РФ создан Штаб по расследованию преступлений, «связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества». Штаб займется поиском виновных «в преступлениях, совершенных в годы Великой Отечественной войны», а также «предотвращением искажения исторических фактов». В общем и целом, новому подразделению предстоит оберегать «историческую правду» («Мы должны препятствовать искажению исторической правды, в том числе и уголовно-правовыми мерами», А.И. Бастрыкин). – Но что это? Видимо, что-то вроде ментального «золотого запаса». Если в советские времена пост № 1 располагался у входа в Мавзолей, то сегодня – у «исторической правды».

В России вновь: горе от ума. Вновь ключевое понятие Родины подменяют понятием «власть» (В. Набоков). И если большевики утверждали свою монополию на истину, то сегодняшние – на «историческую правду». В брежневские времена людей, критиковавших советскую власть, квалифицировали как психически больных (разве нормальному, здоровому человеку может не нравиться советское?!) и упекали в сумасшедшие дома. В настоящем свободомыслящим гражданам (не историкам только – всем) грозят уголовным наказанием. Когда-то, более 500 лет назад, Иосиф Волоцкий, один из главных деятелей Русской православной церкви, сказал: «Мнение есть падение». Его духовные наследники (в погонах и без) полагают «падением» свободное – историческое и любое другое – мнение, не соответствующее сконструированной ими «правде».

Говорят: история не повторяется. Да она только то и делает, что повторяется. И, кажется, мы вновь попали в историю.

Здесь возникает вопрос, на который мы сейчас должны дать (самим себе) ответ: почему демократическая революция конца 80-х – начала 90-х годов XX в. закончилась именно так?

Причин много. Назовем некоторые, важнейшие.

Конечно, прочные авторитарные традиции, многодесятилетняя советская жизнь без и вне демократии – конкуренции, выборов, сменяемости лиц у власти и т.д. Предреволюционный (второй половины XIX – начала XX в.) опыт забыт. Слабость права в общей диспозиции культуры. То есть правовой дефицит русской (и в особенности советской) системы. Понимание (почти всеми) власти только как насилия, а не комбинации насилия и договора. Развал экономики, падение уровня жизни основной массы населения. Поляризация социально-имущественных отношений: кучка сверхбогатых и многие миллионы бедняков.

Не было также продуманной, системной борьбы с советским прошлым. Не проведены декоммунизация и десоветизация – ни в символическом, ни в институциональном отношении. Фактически сохранился КГБ и родственные ему структуры. Путь во власть был открыт бывшим функционерам, представителям советской номенклатуры. Новую, демократическую систему строили из подручных, т.е. в основном недемократических, материалов. – Получилась недемократическая система. Вполне знакомая и «понятная» большинству.

Наконец, надо сказать, что тоталитарная диктатура, одной из разновидностей которой являлся советский коммунизм, весьма неплохо описана в научной литературе. Однако не хватает глубоких исследований, показывающих эволюцию тоталитаризма, различные этапы его существования. В целом завоевания науки относятся к сфере *input*-системы и начальных стадий ее бытования. Что касается *output*-измерения, то здесь все гораздо скромнее.

Говоря проще, у нас есть теория (теории) тоталитаризма, но нет теории выхода из него. Как действовать дальше? Какие меры, процедуры, институты могут использоваться в процессе «дальше»? И здесь должны быть проработаны все «подсистемы» общества – политика, экономика, внешняя политика, сфера общественного сознания, культура и т.д. Необходимо также извлечь уроки из тридцатилетнего посттоталитарного развития России.

При этом следует обратить внимание на предупреждение выдающегося немецкого юриста Густава Радбруха. Оно было сделано в ходе наблюдения над эволюцией Веймарской республики (1918–1933). Он утверждал: возможны два пути развития. Или авторитарный порядок возвращается в тоталитарное состояние, или, делая акцент на свободу, плюрализм и право, превращается в демократический и либеральный. Иными словами, если общество отказывается от усилий по реализации демокра-

тической программы, тотчас же происходит откат в тоталитарное прошлое. Которое и становится будущим.

О конституции как цели

После принятия в 1993 г. Конституции РФ я постоянно (письменно и устно) утверждал, что этот продукт нашей политико-юридической мысли вполне органичен для русского исторического развития и одновременно адекватен тогдашнему состоянию общества и институтов власти. Действительно, Конституция 1993 г. в значительной мере есть продолжение плана государственного преобразования («Введения к уложению государственных законов», 1809 г.) М.М. Сперанского, «Основных государственных законов Российской империи...» 23.04.1906 г. и проекта Конституции, который готовили юристы Временного правительства к Учредительному собранию. Адекватность же этого продукта заключалась в том, что предложенная правовая конструкция позволяла уйти от «вечного проклятия» русской политики – двоевластия. Оно неоднократно в русской истории угрожало самим основам общества. И ситуация 1992–1993 гг. наглядно это подтверждала.

Кроме того, я полагал, что сверхпрезидентская система правления (президент, поставленный над системой разделения властей), хотя и является, с общепринятой точки зрения, нонсенсом, у нас вполне честно и точно фиксирует реальное положение дел. И эта «грубая» и «наглая» правда казалась мне честнее псевдодемократической псевдопарламентской лжи системы двоевластия, которая сложилась у нас в первые два послесоветских года.

Прошло почти тридцать лет с момента принятия Основного закона. Россия находится в тяжелейшем политическом кризисе, который, разумеется, есть «отражение» и кризиса общесоциального, и экономического, и ментального, и геополитического и т.д. «Отражение» – в том смысле и потому в кавычках, что, собственно говоря, Россия переживает просто общий кризис, а не какой-нибудь частичный. Но наиболее ярко и отчетливо проявляется он в политико-правовой сфере. И вот почему.

Конституционный проект Сперанского и скроенные по его лекалам «Основные законы» 1906 г. вполне подходили для России XIX в. Однако уже в начале XX столетия конструкция Сперанского во многих отношениях устарела. В этом, кстати, одна из причин катастрофы 1917 г. Но сейчас мы не о прошлом – о настоящем.

Итак, Конституция 1993 г. есть «ремейк», в основном и целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 г. (и в то же время главное отличие от основных

законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора-президента.

Но между двумя русскими конституционными текстами XX в. существует и громадное различие, которое, должен признать, я не принимал во внимание, хотя все это лежит на поверхности. В Конституции 1906 г. суверенитет принадлежит императору: он есть источник всей и всякой власти, всех и всяких законов. В Конституции 1993 г. суверенитет принадлежит народу. То есть не президент, как ранее император, а народ является источником власти и законов. Таким образом, внешне, формально схожая конструкция власти на поверку оказывается «лишь» прикрытием совершенно отличных друг от друга сущностей.

В Конституции 1993 г. «запрограммирована» ситуация первых двух десятилетий XXI в. Так что же произошло с нашей нынешней Конституцией и политическим порядком в этот период? Отвечая на этот вопрос, уместно вспомнить идею классика политической и конституционной мысли XX в. М. Дюверже: в рамках всякой конституции заложены потенциальные возможности для существования различных политических режимов. Это означает, что нормальная современная конституция (российская в целом является таковой) предполагает вариативность политического развития, вместе с тем и ограничивает его некоторым коридором возможностей. В силу различных, но совершенно реальных социальных причин все три российских президента – разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью – резко ограничили, так сказать, демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений.

К чему же это привело? К крайне резкому обострению конфликта между принципом суверенитета народа и почти неограниченной властью президента, к превращению законодательных, исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте. При этом все три президента – совершенно разные люди (разных биографий, возрастов и т.д.). Объединяет их то (включая даже относительно молодого Медведева), что это – советские люди. Советский же человек органически, экзистенциально воспринимает власть как только насилие, социальное согласие (консенсус) – как то, что все согласны со «мной», объективный социальный конфликт – как заговор «темных сил» против «меня» и олицетворяемой «мною» правды, наличие чужого мнения – как проявление крамолы.

Изменение ситуации многими видится через принятие новой конституции, в которой (помимо всего прочего – и прежде всего) необходимо отказаться от модели Власти-Моносубъекта (единственной Субстанции

господствующего порядка). На смену должна прийти полиархическая модель. Обычно она осуществляется через парламентаризм, федерализм и систему союзов наемных работников и работодателей. Сегодня ничего этого в России нет. Как и политических партий¹.

Иначе говоря, новая Конституция предполагает демонтаж Русской Власти, сконцентрированной сегодня в фигуре президента. Задача состоит в том, чтобы не просто минимизировать его полномочия, но и эффективно вписать в систему разделения властей. При этом следует понимать, что опытная Русская Власть будет искать себе в новой юридической конструкции нишу, с тем чтобы продлить свое существование и отправление². Поэтому даже самая удачная Конституция может не «справиться» с этим историческим феноменом. Если же Власть удастся вывернуться и сохраниться, в той или иной форме произойдет восстановление диктатуры. Кроме того, необходимо учитывать: если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия.

И еще одно. Основой всякой демократии являются выборы. Именно в выборном процессе и реализуется народный суверенитет. Практически же уничтоженные в России выборы не дают народу реализовывать это свое гласное социальное право. Следовательно, наличная политическая система, выросшая из авторитарных потенциалов Конституции (и отказавшаяся от ее демократических потенциалов), не оставляет места для оппозиции. Всякое, в том числе российское, общество основано на конфликте интересов. Это – признак любого живого социума. И всякое общество, чтобы не саморазрушиться, создает институты и процедуры, в рамках которых происходит конкуренция и согласование этих конфликтных интересов. В первую очередь имеются в виду, конечно, представительные учреждения. К сожалению, нынешняя российская политическая система не оставляет ни единой возможности для реализации иных, отличных от господствующих, интересов.

А что же оппозиция? Оппозиционные политические партии? В современном русском политическом языке существует два ее определения –

¹ При этом политическая система стран Запада переживает не лучшие времена. Это усиливает позиции «евроскептиков» в России.

² Годы медведевского президентства (2008–2012) показали: прикрываясь действующей Конституцией, «лидер» и в роли премьера может оставаться «лидером». Это означает, что в России сложилась внеконституционная, внеправовая система господства. Что власть в стране по-прежнему не политическая и не правовая. И она сильнее Конституции. Она может превратить фигуру «технического» премьера в главную (системообразующую). И наоборот: сверхполномочного (по Конституции) президента – в «техническую» фигуру. Правовые установления разбиваются о Русскую Власть.

системная и несистемная. Что касается «системной», то она олицетворяется партиями, допущенными в Думу. Именно «допущенными», поскольку их судьба зависит от Власти. Это относится и к коммунистам, с их довольно широкой социальной базой и хорошей организацией. Но если бы Власть по какой-либо причине решила элиминировать КПРФ из властного пространства, несомненно, эта задача была бы – так или иначе – выполнена. Это означает, что КПРФ, «Справедливая Россия» (СР) и Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) имеют по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они в «системе» по разрешению начальства. Хотя, конечно, реальная жизнь сложнее моделей, «идеальных типов». И совокупная легитимность «допущенных» – разумеется, в различных пропорциях – включает в себя и легитимность от «народа». Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, властная.

Тогда можно ли полагать «системную оппозицию» оппозицией по сути? Нет, нельзя. Дело в том, что оппозиция не может быть назначена. Право на этот «титул» завоевывается в борьбе за голоса избирателей, а не за «разрешение» властителя. В последних Думах доминирует «Единая Россия». Это – не партия, а думский псевдоним Власти, приводной ремень Власти, порученец Власти и т.п. «Системная оппозиция» допущена оппонировать этому властному порученцу. Все они – ЕР, КПРФ, ЛДПР и СР – поют по одной партитуре, написанной в одном месте.

Фальшь системной оппозиции в том, что она никогда не сможет стать властью. Не предусмотрено. Место занято. – В этом смысле нынешняя русская политическая система есть закрытый клуб, куда не допускают несистемных (не взращенных или прощенных властью) и где все функционирует по мановению палочки дирижера-председателя.

Все это доказывает, что ревизия Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, что это не только «вписывание» института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию дифференцированного, сложного механизма сдержек и противовесов. Но перед нами богатый мировой опыт и опыт наших собственных успехов и провалов. Цель же очевидна: привести наш Основной закон в соответствие с принципом народного суверенитета, вернуться в пространство цивилизации, где Конституция (и система права) – единственный регулятор политики, экономики, всего общества.

Парламентаризация как средство

В качестве основного лекарства против болезней политической системы русская мысль предложила идею парламентаризма. Можно смело утверждать, что парламентаризм стоит на повестке дня. Кстати, следует

напомнить: требование парламентаризма выдвигали еще либералы начала XX в. (кадеты). О желательности и спасительности парламентских институтов много и убедительно говорили в годы первой русской эмиграции (между войнами). В эпоху перестройки парламентаризм как возможная модель русской власти всерьез рассматривался общественными деятелями и специалистами (юристами, политологами, историками). В 2019 г. на волне выступлений в Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других городах представители различных оппозиционных сил (чаще всего несогласных друг с другом по ряду коренных вопросов) не раз заявляли, что желаемый и возможный путь России – это парламентская реформа. Только она может обуздать всесильную Русскую Власть.

До недавнего времени комментаторы не исключали, что парламентаризмом с целью продлить свое единоличное господство может воспользоваться Путин. Ведь срок правления премьер-министра конституционно не ограничен. Близкие к Кремлю политологи неоднократно указывали на Германию, где А. Меркель правит уже шестнадцать лет, да и Г. Коль был у власти шестнадцать. Чем мы хуже?! Однако Путин решил избрать другой путь.

...Теперь самое место сказать несколько слов о гипотезе «Русская Система». Она была выдвинута двумя исследователями (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов) в 1995 г. «Гипотеза» – потому что до полновесной концепции не дошло, авторы разошлись мировоззренчески. Однако и то, что они успели сделать вдвоем, как мне кажется, дает неплохой инструментарий, основные методологии, с помощью которых можно еще раз попытаться «understanding Russia» (используя выражение Марка Раева).

Центральным элементом Русской Системы является Власть. Она – единственный Субъект русской истории, ее субстанция. Такой она стала после и в результате похищения субъектных энергий у всех остальных ее носителей. И прежде всего субъектности была лишена основная часть русского народа. Подобный народ (население) называется популяцией. Наряду с Властью-Моносубъектом и популяцией имеется и третий важнейший элемент Системы. Это – Лишний Человек. Он может быть как индивидуальным (часть дворян и интеллигентов в XIX – начале XX в.), так и коллективным (казачество в XVII в., старообрядчество). Лишний Человек – это те индивиды или группы, которые не «перемолоты» Властью и поэтому не стали ни ее органом, ни частью популяции. Или же это люди, «выломившиеся» из популяции и Власти.

Следовательно, Русская Система – это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть – единственный социально значимый субъект. Если Русская Система есть способ контроля над русской жизнью, то Лишний Человек – это мера незавершенности Си-

системы, индикатор степени неперемолотости русской жизни Русской Системой и Властью. Процесс взаимодействия, с одной стороны, Русской Системы и Русской Власти, а с другой – Русской Системы и русской жизни (в которой Система далеко не все исчерпывает и охватывает, а в Системе не все Власть) и есть Русская История.

В определенных исторических условиях элементы Русской Системы диффузируют друг в друга. Так, к примеру, после большевистской революции мы имеем дело с феноменом Властепопуляции («кухарка» управляет государством). Это, если угодно, «перевернутая» Русская Система. То есть эссенция Системы сохранена, но в прямо противоположной социально-властной конфигурации. Зинаида Гиппиус на заре коммунистического порядка вывела точную формулу его соотношения, различия и одинакости (как говорил Герцен) с царским режимом. По ее словам, идея самодержавия – власть одного над всеми, идея коммунизма – власть всех над одним. И в том и в другом случае осуществляется подавление индивида, что и является *содержанием* русского типа социальности. Меняются лишь «политические технологии».

И еще о Русской Власти – элементе и категории системообразующей. Как и все остальные составляющие Системы, она отражает и описывает мир (русский мир, или мир), который прошел мимо спора номиналистов и реалистов (в ходе этого спора были сформулированы основы современного мышления), который не видит границы между метафизическим и физическим. И потому здесь изначально заложен конфликт метафизического и физического, субстанциально-властного и субстанциально-личностного. Иначе говоря, природа русской власти с необходимостью *предполагает* не только их некое соединение, взаимопроникновение, но и – борьбу. Если на Западе в ходе длительной эволюции власть обрела принципиально-безличностный характер, а идея власти полностью отделилась от идеи личности (вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, была разработана форма власти, которая независима от правителей; эта форма и есть государство), то в России всего этого не было. Здесь, напротив, высшей метафизической пробы власть была намертво прищиплена к некоему физическому лицу.

Итак, парламентаризм в России – это демонтаж Русской Власти как Моносубъекта, Власти как только насилия (на Западе – это комбинация насилия и конвенции между властью и гражданами), Власти как Властесобственности. Это – конец Русской Системы вообще. Конец популяции (т.е. населения, лишённого субъектности). Превращение ее в народ (граждан) – источник всех властей.

В общем и целом сегодня парламентаризм в России не цель (слишком далеко), но – средство преодоления Русской Системы (Русской Вла-

сти, в первую очередь). Это – лекарство от диктатуры, способ ее уничтожения. Путь, а не конечная станция.

... Бывают странные сближения, говорил Лев Толстой. Так вот, мне представляется, что исторические судьбы христианства и парламентаризма схожи. При этом я имею в виду не то, что парламентаризм родился и утвердился в христианских странах и лишь потом начал свое шествие по свету. Это так. Но сейчас меня интересует другое.

Христианство в какой-то момент осознало, что несет собой не «светлое будущее» человечества, а рецепт сохранения жизни («Божьего дара»), ее умиротворения, смягчения. Что ни говори, но оно смирилось со своей «скромной ролью». Не строит более некое совершенное «христианское общество», а вполне удовлетворено наличным – с парламентской системой и социально ориентированной рыночной экономикой. Так, в Германии идеологи католической и протестантской ориентации утверждают, что современный западный порядок в наименьшей мере противоречит духу Нового Завета. Или в наибольшей степени соответствует ему. Это и есть христианские «оправдания» парламентской демократии.

Кстати, с судьбой христианства и парламентаризма схожа судьба социализма. Там, где он отказался от вселенской задачи – осчастливить человечество и начал лечить конкретные болезни и конкретные дефекты конкретных обществ, где предлагал конкретные меры по улучшению status quo, там, где превратился в социал-демократию («социальную демократию»), он выполнил свою настоящую историческую задачу. А где нет, как в России, стал новой формой подавления человека, диктатуры, насилия. В результате – погиб.

Вообще-то «парламент» переводится на русский язык как «говорильня». Это место, где «говорят» – спорят, ругаются, где открыто сталкиваются различные интересы. Там им дозволено высказываться, находить компромиссы, предлагать решения. Там энергия ненависти утопает в словах – «говорильня»! И из потенциально разрушительной энергия превращается в потенциально созидательную. В России одним из первых, еще в середине XIX в. это понял А.И. Герцен. Он писал: «Европа догадалась, что представительная система – хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры и общественные потребности, и энергетическую способность действовать». Но по сей день это в России уразумели далеко не все. В полуанекдотической, полуафористической манере это выразил бывший председатель Государственной Думы Б.В. Грызлов. «Парламент не место для дискуссий», – молвил он. А его однопартиец (ЕР) В.Н. Богомолов, еще недавно крупный функционер, расшифровал нам, что такое дискуссия. «Лучшая форма дискуссии – допрос».

Вместе с тем следует подчеркнуть: вопрос о переходе к парламентской системе встал в России не впервые. Он занимал центральное место в программе дореволюционной либеральной партии «Народная свобода» (кадеты). Однако в 1917 г., готовясь к Учредительному собранию, юристы (кадеты и эсеры – крупнейшая социалистическая партия России), призванные Временным правительством, составили не парламентский, но – сверхпрезидентский проект. Он напоминал «Основные государственные законы» от 23.04.1906 г. Правда, место наследственного императора занимал всенародно избранный президент, срок полномочий которого был семь лет. И, подобно царю, он был поставлен над системой разделения властей. То есть не был вписан в нее (были и другие отличия: верхней палатой парламента становился Совет Федерации; Госсовет не предусматривался). В общем и целом проект Конституции 1917 г. своими главными идеями восходил к «Введению к Уложению государственных законов» (1809) М.М. Сперанского, которое соответствовало реалиям начала XIX в. и было уже архаичным в XX столетии.

Вполне возможно (но это лишь предположение – исследований этого вопроса я не видел) юристы Временного правительства вдохновлялись и Конституцией Германской империи 1871 г. (во всяком случае, все они прекрасно знали ее). Кайзер тоже стоял над системой разделения властей. Но был ограничен сильным федерализмом. Вводя федеративную систему в России, российские правоведы 1917 г., не исключено, хотели «ограничить» непомерные полномочия президента федерализацией страны.

В 1993 г. на очередном переломе русской истории большинство правоведов, политиков, общественных деятелей демократической ориентации тоже высказались за сверхпрезидентскую республику. Президент не был ограничен разделением властей, по сути поставлен над ним. Это тоже прочная русская традиция: либеральные реформы в стране эффективно идут тогда, когда опираются на союз трона и прогрессивной общественности. И в 1917, и в 1993 гг. инстинкт выживания подсказывал: только сверхвласть президента, окруженного либеральными советниками, может предотвратить хаос и сохранить власть в собственных руках.

Парламентскую же идею отстаивали коммунисты, близкие к ним идеологи и очень небольшая часть демократического лагеря. События 21.09.1993 г. (Указ президента № 1400, распускавший Съезд народных депутатов) – 04.10.1993 г. (расстрел Белого дома) в Москве, казалось бы, похоронили парламентскую идею. Должен сказать, что в российских научных и экспертных кругах распространено мнение, согласно которому осень 1993 г. – это столкновение исполнительной власти (Ельцин) и законодательной (Хасбулатов), что утром 4 октября 1993 г. огонь нескольких танков уничтожил российский парламентаризм. – Нет! Советы не были парламентским институтом. Они, по мысли их теоретика (Ленина), были

способом преодоления «буржуазного парламентаризма», «системы разделения властей». Советы, по образу и подобию Русской Власти, претендовали на *всю* власть – и законодательствовать, и исполнять, и судить. К осени 1993 г. сложилась ситуация двоевластия. Мирный путь разрешения кризиса был закрыт. Это связано и с глубиной раскола, и с личными качествами вождей обоих лагерей. Советы – не парламент! – были раздавлены.

В последние годы – мы уже говорили об этом – идея парламентаризма становится все более востребованной. В ее осуществлении видят наилучший способ выздоровления от болезни диктатуры. Тем не менее по-прежнему преобладает мнение, что парламентаризм имеет в нашей исторической почве слабые корни. Всё забывает теория и практика деспотии. Это так и не так.

Парламентаризм есть идея народного представительства. Граждане выбирают своих представителей, которые впоследствии для них и от их имени принимают законы, на основе которых строится жизнь этого социума. Если внимательно посмотреть на русское прошлое, мы увидим, что с середины XVI по конец XVII в. в России существовали Земские соборы. Полтора столетия! Конечно, Соборы – не парламенты. Но в те времена ни у кого не было выборных законодательных институтов современного типа. И быть не могло. Для них еще не приспели сроки – не сложились соответствующие социальные условия. Тем не менее Земские соборы реально соучаствовали в выработке и принятии «правительственных решений». Также реально представляли «землю» (общество). Они неоднократно учреждали новую власть (например, в 1598, 1613 гг. и др.). Считалось, что царь не может быть поставлен или не может наследовать власть в обход Земского собора.

Не случайно Соборы рождаются одновременно с окончательным оформлением самодержавия. Как будто бы российская «политическая культура» сразу же озаботилась некоторым ограничением Русской Власти-Моносубъекта. Да временами и само самодержавие ограничивает свою «тотальность». Так, в 1606 г. избранный и поставленный боярством царь Василий Шуйский принимает «Подкрестную запись» – первый в русской истории юридический акт, ограничивающий Власть. В 1613 г., учредив новую династию (Романовых) и избрав царя (Михаила), Собор не уходит в тень и на протяжении десяти примерно лет правит вместе с царем. Иными словами, Россия постепенно набирает опыт участия в управлении.

В 1730 г. группа аристократов, членов Верховного тайного совета (тогда – высший орган государственной власти) разрабатывает программу ограничения самодержавия. Предполагалось, что родовая знать получит свою долю во власти. Эта программа вошла в историю под названием

«Кондиции». В начале XX в. крупнейший политический мыслитель России П.Б. Струве скажет, что если бы в 1730 г. победили «верховники», то в 1917 г. у Ленина не было бы шансов. За два столетия предприятие, начатое «верховниками», могло превратиться в парламентскую монархию, на практике наиболее устойчивую форму власти, противостоящую всякого рода попыткам установления диктатуры. Во второй половине XVIII в. в России появляются первые конституционные проекты, предполагавшие разделение властей и создание парламента. В начале XIX в. (правление Александра I) конституционные проекты росли как грибы после дождя. Наиболее убедительным был план преобразования государства М.М. Сперанского. Нельзя также не упомянуть «Уставную грамоту» Н. Новосельцева. В александровские годы конституции принимаются в некоторых частях Российской империи (Финляндия, Польша).

Свой вклад в теорию русского парламентаризма внесли и дворянские революционеры – декабристы. Прежде всего речь идет о Конституции Никиты Муравьева. Россия должна была превратиться в парламентскую монархию и стать страной с федеративным устройством. Во второй половине XIX в. идея парламентаризма была одной из самых обсуждаемых русской политической мыслью. При этом внимательнейшим образом отслеживалась бурная конституционно-парламентская действительность западных стран.

Вообще русская история достаточно богата традициями участия в управлении теми или иными институтами государства и общества. Вспомним губное самоуправление в северных уездах Руси, расцвет которого пришелся на первую половину XVI в.; особенно замечательны были губные суды – прообраз суда присяжных. Не была забыта народным сознанием и новгородско-псковская (и вятская) демократия. А земства второй половины XIX – начала XX в.?! – Успешное местное самоуправление. Со школами, больницами, строительством дорог... Причем самоуправление реализовывалось в деревне (с 1864 г.), городе (с 1870 г.), на уровне уезда (района) и губернии (области). По сути земства – это маленькие локальные парламенты. Способ их формирования – выборы. Так в России приживался основной институт парламентской демократии – конкурентные выборы.

Не случайно, когда парламент был «разрешен» (Конституция 1906 г.), наши предки весьма умело стали пользоваться его возможностями. Вне всякого сомнения, период парламентской монархии – лучший в российской истории. Это абсолютно достоверное доказательство «совместимости» парламента и русского человека. Это – ответ на сомнение относительно возможности и уместности парламента в России. Уже пробовали – получалось!

Задаются и практические вопросы. Как возможен парламентаризм в стране, где нет самостоятельных политических партий? Кто же будет формировать парламент и работать в нем? – Действительно, вопросы *практические*. Видимо, лишь открытое (так сказать, *гласное*) признание необходимости парламентаризма и подготовка к выборам могут способствовать формированию партий парламентского типа.

О чем еще спорят и на что обращают внимание сторонники парламентаризма? – Это учет опыта зарубежных стран, особенно тех, что однажды (или не однажды) споткнулись на парламентской системе, но затем вернулись к ней и реализуют вполне удовлетворительно. Это прежде всего Германия. Именно эту страну приводят в качестве примера трудной, но в конечном счете удачной парламентской судьбы.

Сами немцы считают, что провал Веймарской республики во многом был связан с тем, что политическая демократия не имела опоры в экономической и социальной сферах. Поэтому в послевоенный период большое внимание уделялось *Mitbestimmung* – немецкому варианту социальной и экономической демократии. Нам тоже следует помнить: парламентская политическая демократия венчает национальную демократическую постройку. Это – ее верхние этажи. Надо иметь опору в нижних – социально-экономической сфере. Иначе здание будет неустойчивым. Значит перед нами, помимо прочего, задача демократизации социально-экономических отношений. Эта задача, как показывает опыт Германии и других успешных европейских стран, может решаться через создание институтов соучастия наемных работников в управлении отраслями экономики, предприятиями.

Сторонники парламентаризма также должны усвоить, что одни и те же, или схожие, подобные системы в различных странах (политических культурах) работают по-разному. Президентско-парламентская система Пятой республики вывела Францию из кризиса и обеспечила стране возможности роста. Схожая система в Германии 20-х – начала 30-х годов XX в. не удержала общество от скатывания к диктатуре. То есть одно и то же лекарство по-разному действует в различных организациях.

И, разумеется, сторонники парламентаризма должны отказаться от всех форм «холизма», «абсолютизма» и пр. (эти опасные болезни исторически характерны для русских). Главный вопрос: *как?*, а не *куда?* Более того, возможны компромиссы в виде, к примеру, смешанных парламентско-президентских систем. – При понимании того, что спор идет не об *идеальной* конструкции, а об «относительной» и подвижной. – И нельзя спешить. Терапевт предпочтительнее хирурга.

YURIY PIVOVAROV

RUSSIA AT THE TURN OF THE 2010 s–2020 s

Abstract. *The article is devoted to the development of the political situation in Russia at the turn of the tenth – twenties of this century. The pseudo-democracy of the nineties has degenerated into a rigidly authoritarian system. In practice, the power of the president is not limited by anything and is located above the system of separation of powers. The amendments made to the Constitution in 2020 dramatically increased its authoritarian potential.*

Keywords: *parliamentarism, presidentialism, mass demonstrations, decline of the Second Republic, zeroing of presidential terms.*